

М.А. РЫБЛОВА
(Волгоград)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА*

Охарактеризованы трансформации традиционной казачьей культуры, рассмотрены главные проблемы возрождения казачества в современной России.

Ключевые слова: казачество, община, сословность, Юг России.

Главная проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия казаков Юга России связана с решением вопроса: что именно мы хотим сохранить и транслировать новым поколениям? Дело в том, что традиционная культура российского казачества в течение всей его истории неоднократно подвергалась коренным изменениям. В процессе трансформации донского казачества мы выделяем 1) этап «вольных братств» (мужских военизированных сообществ) (XVI – XVII вв.); 2) «военно-служивый» этап, формирование этносословия (XVIII – начало XX в.); 3) крах сословности и трансформации этничности (первая четверть – конец XX в.); 4) «казачье возрождение» (конец XX – начало XXI в.) [11]. В рамках каждого из этапов происходили коренные изменения всей культурной модели донских казаков, изменялась система ценностей, а вместе с тем изменялся механизм передачи культурного опыта и сохранения традиции.

Этап «вольных братств» (XVI – XVII вв.). На первом этапе основой социальной организации казачества были мужские военизированные сообщества. Это были сообщества мужчин-маргиналов, которые, порвав с прежней социальной и культурной средой, приступили к созданию в условиях Дикого Поля новой культурной модели. Уходившие в Поле принадлежали к разным этническим, конфессиональным и социальным группам. Главное, что их объединяло, – статус мужчины-воина, порвавшего с прежней социальной и этнической средой, отказавшегося от ее норм и избравшего судьбу бродяги, живущего воинским промыслом, подчиняющегося законам мужского братства [10; 15].

Механизм передачи традиции в ранних казачьих братствах был связан с выживанием в экстремальных условиях Дикого Поля (постоянная угроза нападения неприятеля и необходимость ведения военных действий) и воспроизводством (через систему воспитания, социализации) мужчин-воинов.

* Работа выполнена в рамках подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

Главная проблема изучения и сохранения культурного наследия казаков раннего периода – крайне слабая степень изученности, обусловленная ограниченностью источников. Значительная часть источников по этому периоду безвозвратно утрачена, а сохранившиеся еще не стали предметом пристального внимания научного сообщества (например, до настоящего времени имеется только один опыт раскопок средневекового казачьего городка – Нижний Кагальник на Дону). Другая проблема связана с постановкой на учет и охраной средневековых казачьих городков: в настоящее время они активно раскапываются так называемыми «черными копателями».

«Военно-служивый» этап (XVIII – начало XX в.). В рамках 2-го («имперского», этносословного) этапа социокультурных трансформаций традиционная культура казачества развивалась в рамках сословности, которая стала костяком складывающейся культурной модели, обеспечивая ее чрезвычайную специфичность. К этому времени у казаков формируется сельская поземельная община, главной структурной единицей которой становится патриархальная семья. Община, патриархальная семья, потестарные структуры, традиционная обрядность были призваны обеспечивать воспроизводство новых поколений уже не воинов, а воинов-пахарей.

Институт патриархальной семьи становится одним из структурных элементов культурной модели казачества этого времени. Возрастание роли семьи сопровождалось расширением внутрисемейных функций женщин, выступавших в качестве хранительниц домашнего очага, женских семейных традиций. Нередко женщины выполняли мужские обязанности, что было связано с частой и долгой отлучкой мужей. В это время складывается и расцветает женская субкультура. Однако по-прежнему остается довлеющей мужская культура – во всех сферах общинной жизни определяющей является роль казаков-мужчин.

Общину можно назвать ядром этносословной модели казачества, соединяющим воедино черты сословности и этничности, обеспечивающим и внутреннее функционирование модели, и внешние взаимодействия с общегосударственными структурами. Сословность же стала основой культурной специфики казаков. Как и в общерусской традиции, донская казачья община была призвана выполнять множество функций – являться приходом, регулировать трудовую деятельность и использование природных ресурсов, организовывать самоуправление, сохранять нормы общественного быта и морали, судить и карать провинившихся, организовывать культурную (обрядовую) жизнь и пр. Община в этот период стала ядром этносословной модели казачества, соединяющим воедино черты сословности и этничности, обеспечивающим и внутреннее функционирование модели, и внешнее взаимодействие с государственными органами.

По мере усложнения социальной структуры казачества и сложения общины общерусского типа происходило значительное усложнение обрядовой жизни казаков [1; 2; 3; 4; 5; 8]. В донской казачьей традиции была выработана система переходно-посвятительных ритуалов, которые не только маркировали этапы социализации мальчика-мужчины, но и давали возможность публичной демонстрации растущей зрелости, силы, ловкости и умелости будущего воина, а также публичной оценки этих качеств всей общиной (посаждение на коня, обряд посвящения мальчика в казаки, встреча и проводы призывников и пр.) [6; 13; 16]. Большую роль в социализации подростков и подготовке будущих воинов играли институт кулачных боев и майских военных сборов.

Меньшее внимание община уделяла социализации девочек, но и здесь существовал целый комплекс обычаев и обрядов: приобщение к культуре хороводов и вечеринок, девичьи кумления, участие девичьих групп в общеобщинной календарной обрядности («выкуп весны», «вождение Репья», «проводы Маринки» и пр.). В рамках донской общины сложился разветвленный, сложный (включающий элементы южнорусских, среднерусских комплексов, а также иноэтничные вкрапления) свадебный обряд, который был преимущественно «сферой женского влияния». В его рамках осуществлялась и социализация девушек [8, с. 213 – 228].

В это время у казаков Юга России сформировалась календарная обрядность, вобравшая в себя элементы, характерные для южно- и среднерусской, а также украинской традиций [1; 2; 8; 9; 14]. В рамках календарной обрядности четко и строго распределялись обрядовые роли и функции различных половозрастных групп, существовал отлаженный механизм передачи межпоколенного опыта.

Спецификой казачьей календарной обрядности этого периода является весьма значительная роль, отводимая общиной мужским группам. Мужская казачья молодежь и семейные казаки выступали на праздниках главной организующей силой, они выполняли такие важнейшие функции, как обрядовые обходы домов, связанные с распределением общеобщинной доли между всеми членами сообщества, поминные тризны, призванные способствовать налаживанию обмена между всеми живыми и мертвыми (предками). По принципу мужских военизированных сообществ организовывались общественные «ссыпки» и гулянья на Масленицу и Троицу (с выборами атамана, есаулов, писаря, которые на время праздника заменяли реальную станичную власть). Большую роль в обрядовой жизни общины играли казаки-старика [12]. Ведущая роль отводилась мужчинам и в окказиональных обрядах (вызов дождя, опаживания селений при эпизоотиях, выезд в поле и др.). Иными словами, мужчины были призваны обеспечивать мир и благополучие всего сообщества, в то время как женщины заботились о

благополучии семьи, домашнего очага и плодородии полей.

В XIX в. на Дону стала значительной роль православных праздников. Станичные и хуторские церкви были взяты под опеку служилых казаков, делавших при всяком возвращении из похода большие церковные вклады.

Несмотря на развитие женской субкультуры, в семье и в общине доминирующей остается роль мужчин-казаков. Военизированный уклад жизни казачества накладывает отпечаток на материальную культуру, характер внутриобщинных и внутрисемейных отношений, определяет специфику обрядов жизненного и календарного циклов. Воспроизводство казачьих традиций осуществлялось в рамках семьи, отдельных половозрастных групп, всей общины и в рамках войсковой организации. Механизм передачи межпоколенного опыта происходил через обрядовые практики, систему обычного права, фольклор и пр.

Можно выделить несколько особенностей изучения и сохранения культурного наследия казаков «имперского» периода.

1. Устойчивый этнографический интерес к российскому казачеству оформляется к 1870-м гг. Благодаря профессиональным исследователям, любителям-краеведам и собирателям, материалы по традиционной казачьей культуре стали объектом научного изучения: были описаны станицы и хутора, зафиксированы памятники церковной и народной архитектуры, записан фольклор. Большую часть собранных материалов публиковали в периодической печати, но собирательская работа была прервана в начале XX в. и не привела к созданию обобщающих научных трудов по культуре казаков Юга России. До наших дней дошло немного собранных и зафиксированных в то время артефактов.

2. Во второй половине XX в. была проделана большая работа по изучению культурного наследия казаков Юга России этого периода (экспедиции ростовских и московских фольклористов, ростовских и волгоградских этнолингвистов, этнографические экспедиции на Дону, Кубани, Ставрополье, собирательская работа краеведческих музеев, изучение памятников народной казачьей архитектуры ростовскими архитекторами и волгоградскими этнографами и пр.). В настоящее время расширяется сеть станичных и хуторских музеев казачьей истории и культуры, фольклорных коллективов, центров по изучению и пропаганде казачьей традиционной культуры.

3. Артефакты, относящиеся к этому времени, разрушались в годы советской власти. Происходит их массовое уничтожение и в настоящее время: разрушаются и горят церкви, сносятся памятники народной казачьей архитектуры XIX – начала XX в.

Этап краха сословности и трансформации этничности (первая четверть – конец XX в.). В рамках третьего этапа вместе с упразднением казачьего сословия и началом социалистической модернизации произошло

очередное изменение механизма сохранения и воспроизводства традиции. Традиционная казачья культура в это время подверглась мощным трансформациям, унификации, оказались утраченными многие ее элементы, разрушено большинство каналов трансляции традиции.

Традиционная культура казачества в это время трансформируется под воздействием нескольких факторов: отмены сословности, антиказачьей политики советской власти в 1919 – начале 1920-х гг.; социально-экономических последствий катаклизмов начала XX в. (разрухи, голода); социалистической модернизации всей страны и, в частности, казачьих регионов; общей унификации культуры в условиях социалистической системы.

Основные культурные трансформации эпохи «социалистической модернизации» заключались в следующем.

1. В результате отмены сословности значительная часть элементов традиционной казачьей культуры и их социальной организации была полностью утрачена (местное казачье самоуправление, обязательная военная служба, система подготовки будущих воинов, обычное право и пр.). Многие из этих элементов подверглись насильственному разрушению со стороны органов советской власти (закрытие и разрушение церквей, уничтожение святых колодцев, родников, других сакральных локусов, мест памяти, гонения на религиозные праздники и т.д.). К середине 1930-х гг. произошли слом всего традиционного устоя казаков Юга России, разрушение основ их прежней жизнедеятельности и значительная трансформация их мировоззренческих установок. Однако отдельные элементы традиционной культуры казаков Юга России уцелели, хотя и были вытеснены в семейную или приватную сферы жизни.

2. В то же время начиная с 1920-х гг. в казачьих регионах (как и во всей стране) создавалась сеть официальных социальных и культурных институтов и учреждений (избы-читальни, сельские клубы, районные дома культуры, учреждения здравоохранения и образования), формировалась новая социалистическая культура, основным носителем которой становилась молодежь. Одновременно происходило отчуждение граждан от процесса культурного творчества, появился специальный термин, отражающий это явление – «культурное обслуживание населения». Такие мероприятия сопровождалось вытеснением многих элементов прежней традиционной казачьей культуры в семейную, приватную, а нередко в нелегитимную сферы жизни.

5. В советское время резко снизился статус мужчин-казаков, многие их общественные функции в культурной сфере полностью исчезли, зато возросла (чаще всего в рамках официальных институтов) роль женщин и стариков в культурной жизни хуторов и станиц. Именно они соблюдали традиционные ка-

лендарные праздники, сохранили религиозный опыт, заботились о кладбищах, святых колодцах, родниках, становились активными участниками фольклорных самодельных коллективов и т.д. Женщины и старики выступили в роли главных хранителей основ традиционной казачьей культуры, что отчасти обусловило возможности казачества в постперестроечное время вступить в период возрождения этничности.

Если говорить об изученности культуры казачества Юга России этого периода, то придется констатировать, что научное сообщество стало проявлять интерес к этой проблеме лишь в последнее время [17; 18]. В этой области еще многое предстоит сделать: систематизировать, осмыслить, выработать методику, расширить круг источников (архивные материалы, периодика, источники, собранные методами этнографии и устной истории). Наконец, назрела необходимость фиксации и сохранения культурного наследия эпохи социализма, в том числе артефактов.

«Казачье возрождение» (конец XX – начало XXI в.). Четвертый этап можно охарактеризовать как своеобразный «мужской реванш». Современное казачье «возрожденческое» движение является мужским по своей сути и по организационным формам. Функции женщин-казачек, детей и пожилых людей в нем не прописаны. В лучшем случае женщинам отводится роль «художественного» оформления казачьих мероприятий (кругов, конгрессов и пр.). В то же время вне рамок движения (в реалиях современной жизни жителей казачьих хуторов и станиц) статус женщин-казачек и в семье, и в сельском коллективе по-прежнему остается высоким. И если «мужское» казачье движение во многом ориентировано на возврат к прежнему (сословному) состоянию казачества (возрождение военных казачьих формирований и выполнение государственной службы), то женщины в настоящее время выражают этнические запросы современного казачества.

Главное противоречие современного движения за возрождение казачества заключается, на наш взгляд, в том, что оно имеет двойственную природу – социальную и этническую. Проблема состоит в том, что ни федеральные, ни местные власти не могут определить перспективы развития казачества: возрождать этническую группу или использовать ее социальный потенциал для консолидации русскоязычного населения страны и выполнения определенных запросов властей. Нет согласия по этому вопросу и среди участников движения. С одной стороны, его лидеры используют тезисы «казаки – особый, древний народ», «казаки – народ, подвергшийся репрессиям в годы советской власти» и требуют полной этнической реабилитации (вплоть до восстановления казачьей автономии), с другой – активно вступают в «реестр» и стремятся закрепить за собой статус группы, претендующей на «государственную и иную службу», т.е. пытаются возродить прежний сословный статус с набором привилегий и предпочтений.

Здесь включается механизм воспроизводства словной составляющей казачьей культуры с такими атрибутами, как военная форма, парады, военизированные дружины, патрулирование и пикетирование, подготовка призывников, охрана угодий и т.д. Очевидно, что эти элементы казачьей культуры могут быть востребованы лишь незначительной частью молодого мужского населения казачьих регионов. Даже если оставить в стороне то, что закрепление этих прав за одной этнической группой нарушает конституционные права остальных, несомненно нарушение интересов этнического большинства самих казаков. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества ориентирована в значительной степени на казачьи общества, взявшие на себя обязательства по несению государственной службы и включенные в государственный реестр. При этом в казачье общество может вступить любой гражданин Российской Федерации, независимо от этнической принадлежности, и сами сообщества охватывают незначительную часть жителей казачьих регионов. Большинство потомственных казаков не видят смысла подтверждать свою этническую принадлежность путем получения «удостоверения казака», не имеют желания и возможности обременять себя обязательствами по «государственной и иной службе», суть которой до настоящего времени остается неясной.

Между тем целевые программы по развитию современного казачества по-прежнему направлены не столько на сохранение широко понимаемого культурного наследия казаков и улучшение социально-экономических условий их жизни, воспроизводство этнических традиций, сколько на утверждение принципов военной корпорации.

Литература

1. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 50 – 62.
2. Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар, 2003.
3. Бондарь Н.И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор; автор-сост. Н.И. Бондарь. М., 1995. С. 5 – 23.
4. Власкина Т.Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура : научный альманах. 2004. № 4. С. 35 – 47.

5. Власкина Т.Ю. Родильно-крестильный обряд в комплексе репродуктивных представлений донского казачества // Традиционная культура : научный альманах. 2004. № 4. С. 16 – 26.

6. Воронин В.В. Проводы казака на службу в кубанской традиции. URL : kazaki.yuga.ru.

7. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

8. Очерки традиционной культуры казачеств России. Москва – Краснодар, 2005.

9. Проценко Б.Н. Донской обряд плодородия: своеобразие и традиция // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 45 – 55.

10. Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006.

11. Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI – XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 3 – 33.

12. Рыблова М.А. Старики в донской казачьей общине: статус и функции // Мир казачества. Краснодар, 2005. С. 135 – 157.

13. Рыблова М.А. Экстремалы Дикого Поля: основные этапы жизненного пути воина-казака // Мужской сборник-3. М., 2007. С. 207 – 223.

14. Рыблова М.А. Весенние праздники у донских казаков в XIX – начале XX в.: половозрастной аспект // Проблемы истории, филологии и культуры. 2009. № 1 (23). С. 414 – 438.

15. Рыблова М.А. Казачьи братства на Дону в XVI – XVIII вв. (специфика культурной модели) // Родина. 2009. № 6. С. 90 – 91.

16. Рыблова М.А. Обряды социализации и подготовки воина в донской казачьей традиции // Стрежень. Научный ежегодник. Волгоград : Издатель, 2009. Вып. 7. С. 148 – 164.

17. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.

18. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

Cultural heritage of the Cossacks of the South of Russia: issues of study, keeping and reproduction

There are characterized the transformations of traditional Cossack culture, considered the main problems of Cossack revival in modern Russia.

Key words: *the Cossacks, community, estate, the South of Russia.*